

ПРОБЛЕМЫ УРБАНИЗМА В ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНОМ ПРОЦЕССЕ 1930-Х ГГ.

(Н. П. Анциферов и А. А. Золотарев в издательском проекте
«История русских городов как история русского быта».
По архивным материалам)

© 2016 г. Д. С. Московская

Институт мировой литературы им. А. М. Горького
Российской академии наук, Москва, Россия

Дата поступления статьи: 15 июля 2016 г.

Аннотация: После решения А. М. Горького об окончательном возвращении в Москву в 1931 г. им был задуман ряд агитационно-пропагандистских издательских серий: «История фабрик и заводов», «История деревни»; «История женщины от первобытных времен до наших дней», «История всемирного купца», «История молодого человека XIX столетия»; «История Гражданской войны»; «История культуры», «История идей», «История городов». Последнюю Горький рассматривал как научно-популярную версию гоголевских «Ревизора» и «Мертвых душ» или щедринской «Истории одного города», в которой обличались бы провинциальное мещанство и купечество. Особый интерес писателей и журналистов к новейшей истории старинных русских городов был обусловлен началом реконструктивного периода. Оргкомитет Союза советских писателей направил в старинные провинциальные центры писательские бригады с установкой выявить позитивные изменения на местах. Литературоведом Н. П. Анциферовым и писателем-ярославцем А. А. Золотаревым работа над книгой о Ярославле велась в рамках горьковского проекта. Она выявила древнюю и богатую историю волжского города, но невольно указала на актуальную социальную проблему. Прошлое купеческого Ярославля было не нужно стране в эпоху реконструкции, и его следы — памятники истории и культуры, градообразующие предприятия и учреждения и соответствующий им классовый состав населения, исторические предания и топонимика — сознательно уничтожались. Однако, как показал проект, отказ от прошлого вел к умалению общего культурного уровня населения и формированию ограниченного «провинциального сознания». Обнаруженные проектом катастрофические изменения объясняют главную причину, по которой ни одна из «историй русских городов» так и не была опубликована. Работа Анциферова и Золотарева в горьковском градоведческом проекте позволяет раскрыть социально-психологическую глубину урбанистической проблематики русской прозы 30-х гг., которая нашла гротескное воплощение в романах о городе М. Булгакова «Мастер и Маргарита», К. Вагинова «Гарпагоониана», Л. Добычина «Город Эн», А. Платонова «Котлован» и «Счастливая Москва». Сюжеты и герои этих романов являются производными от «драматической местности», от состояния больной «души»

(в шпенглеровской терминологии) старинных городов в эпоху социалистической реконструкции.

Ключевые слова: издательский проект «История русских городов как история быта», урбанистическая проблематика, русская проза 30-х гг., Вагинов, Горький, Анциферов, Золотарев.

Информация об авторе: Дарья Сергеевна Московская — доктор филологических наук, заведующий Отделом рукописей, Институт мировой литературы им. А. М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25 а, 121069 Москва, Россия. E-mail: d.moskovskaya@bk.ru

**THE PROBLEMS OF URBANISM
IN THE LITERARY-HISTORICAL PROCESS OF THE 1930s
(Antsyferov and Zolotarev in the Publishing Project
“History of Russian Towns as the History of Russian Everyday Life.”
On Archival Materials)**

Darya S. Moskovskaya

A. M. Gorky Institute of World Literature
of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Received: July 15, 2016

Abstract: After A. M. Gorky decided to return to Moscow in 1931, he conceived agitation-propaganda publishing series: “The History of Factories and Plants,” “The History of the Village,” “The History of Women from Primitive Time to the Present Day,” “The History of the World’s Merchant,” “The History of the 19th Century Young Man,” “The History of the Civil War,” “The History of Culture,” “The History of Ideas,” and “The History of the Cities.” Gorky regarded the latter as a popular scientific version of Gogol’s *The Government Inspector* and *Dead Souls* and Shchedrin’s *The History of a Town* in that it exposed provincial bourgeois and philistinism. A special interest of writers and journalists in the recent history of old Russian towns may be explained by the beginning of the so called reconstruction era. The organizing committee of the Soviet Writers’ Union sent out a group of writers to old Russian provincial centers so that they register positive changes in the regions. A literary critic N. P. Antsyferov and a writer A. A. Zolotarev wrote their book about Yaroslavl within the framework of the Gorky project. Their field work discovered ancient and rich history of this Volga Region town but also inadvertently revealed the town’s social controversies. During the era of reconstruction, the state had no interest in the historical past of the merchant’s town; the vestiges of this past — Yaroslavl’s monuments, city-forming enterprises, institutions, and the matching class composition of the population, historical legends, and toponymy were being deliberately destroyed. However, as Gorky project showed, rejection of the past had led to the decrease in the population’s cultural level and to the development of the limited “provincial consciousness.” These catastrophic changes revealed in the course of the project explain why not a single “story of Russian cities” was published. Antsyferov’s and Zolotarev’s work as part of the Gorky project helps better understand the social and psychological depth of the urban theme in Russian

fiction of the 1930s that we encounter in the grotesque urban representations in Mikhail Bulgakov's *The Master and Margarita*, Konstantin Vaginov *Garpagoniana*, Leonid Dobychin *N City*, and Andrey Platonov's *The Foundation Pit* and *Happy Moscow*. The plots and characters of these novels are derived from the "dramatic terrain" and from "the sick soul" (in Spengler's terminology) of old Russian cities in the era of socialist reconstruction.

Keywords: publishing project "History of Russian Cities as the History of Everyday Life," urban theme, Russian fiction of the 1930s, Vaginov, Gorky, Antsyferov, Zolotarev.

Information about the author: Darya S. Moskovskaya, DSc in Philology, Head of the Manuscript Department, A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya 25 a, 121069 Moscow, Russia. E-mail: d.moskovskaya@bk.ru

В 1931 г. после решения А. М. Горького об окончательном возвращении в Москву им был задуман ряд научно-популярных по жанру, агитационно-пропагандистских по цели издательских проектов: «История фабрик и заводов», «История городов», «История деревни»; «История женщины от первобытных времен до наших дней», «История всемирного купца», «История молодого человека XIX столетия»; «История Гражданской войны»; «История культуры», «История идей». Для их успешной реализации существовали необходимые предпосылки. Истории фабрик и заводов стихийно создавались в 1920-е гг. на большинстве крупных российских промышленных предприятий, бывших активными участниками революционных событий. Еще богаче была представлена история русских городов. В предреволюционные годы расцвета отечественного краеведения и градоведения о Переславле-Залесском писал М. И. Смирнов, о Санкт-Петербурге Н. П. Анциферов и П. Н. Столпянский, В. И. Смирнов о Костроме, К. Н. Евреинов об Угличе и пр.

Непосредственным толчком к разработке Горьким проекта градоведческой серии послужила рукопись литератора А. А. Смирнова «Старый самарский театр и быт (до середины XIX века)». По поводу этого труда Горький писал автору: «Я думаю, <...> что ваша книга <...> может положить начало целому ряду книг такого типа и что вы правильно определяете их значение как материала для "Истории русского быта", о каковой Истории давно мечтаю» [5, с. 391]. В том же письме Горький предложил наметок типового плана для задуманной им градоведческой серии, который переслал в издательство «Academia» в середине октября 1931 г. Полное название серии звучало «История русских городов как история русского быта». Такое заглавие обнажает намерение Горького представить в «Истории городов» научно-популярную версию гоголевских «Ревизора» и «Мертвых душ» или щедринской «Истории одного

города», в которой обличалось «преобладающее население провинциальных губернских и уездных городов» — провинциальное мещанство. «В нашей дооктябрьской действительности, — писал Горький, — был ряд специфических условий, которые позволили именно мещанству, на протяжении почти трех столетий, играть роль создателя и организатора русского быта. Мещанин<...> “враг внутренний”, не только в том смысле, что он живет среди нас, а и в том, что он живет внутри каждого из нас. <...> Он поет “интернационал”, но в мелодию его мысленно вставляет слова: “Господи, воззвах к тебе услыши мя”. Он органически не способен мыслить государственно <...>. Этот враг, количественно обильный и трудноуловимый, должен быть разоблачен и уничтожен. “История русского быта” и должна поставить целью своей освещением, обнажением системы коренных верований, специфических навыков мысли и всей “исторической” — бытовой действительности мелкого собственника» [5, с. 393–395].

Проекты обрели высшее партийное кураторство. О ходе их реализации писала «Литературная газета». Однако к январю 1932 г. градоведческий проект все еще находился на организационной стадии. Работа над ним в издательстве «Academia» тормозилась сменой директоров и курировавших проект ответственных лиц. Во второй половине 1932 г. издательство возглавил Л. Б. Каменев, но только в конце 1933 г. он сумел приступить к осуществлению проекта и столкнулся с тем, что его выполнение крайне усложнено. «Записку» Горького к «Истории городов» (далее — ИГ) А. Н. Тихонов дополнил своими трудноисполнимыми рекомендациями. Для ИГ, по его мнению, был «нужен кадр людей, до зубов вооруженный марксистской исторической методологией <...> опытный архивный работник и библиотекарь<...> научный работник-историк, хорошо подготовленный по части марксистско-ленинской методологии, и писатель. Желательно привлечь в состав этих бригад наших антирелигиозников»¹.

Каменев решил активизировать работу и начал со смены Тихонова как куратора проекта. 27 ноября 1933 г. он пригласил на эту роль В. А. Десницкого, в письме к которому писал: «Мы уже давно мечтаем включить в серию наших изданий ряд книг, посвященных истории городов СССР. <...> Не лучше ли взять быка за рога, т. е. <...> заказать трем-четырем лицам подобные книги. Одного из них Вы видели, это тов. Анфиферов <sic!>, который хотел бы писать историю Ярославля, затем проф. А. И. Яковлев, мечтавший о книге о Новгороде, проф. Полиевктов, возглавляющий Закавказский филиал Академии Наук и предложивший книгу о Тифлисе, поэт С. В. Шервинский

¹ РГАЛИ. Ф. 613 (ГИХЛ). Оп. 7. Ед. хр. 529. Л. 4, 6.

представил уже план книги о Феодосии; Столпянский не перестает закидывать меня всяческими предложениями об истории Петербурга... Я думаю, начать следовало бы скромно, скажем, заказом трех годов: Ярославля, Новгорода и Тифлиса»².

1 февраля 1934 г. обновленная редакция ИГ энергично приступила к подбору рукописей и авторов. Работу над историей Нижнего Новгорода готов был возглавить Горький. Историю города он собирался писать, опираясь на многочисленные краеведческие источники и освещая жизнь «во всех даже мельчайших ее бытовых деталях, проявлениях, даже в анекдотах»³. Но открыть серию было доверено Ярославлю.

Ярославль осваивался московским писательским центром особенно активно. Причиной тому были промышленные успехи города. В октябре–ноябре 1933 г. Ярославль посетили В. Кирпотин, Вс. Иванов, Ф. Березовский, М. Шагинян и В. Катаев. Писательские бригады торжественно встречало партийное руководство, гостей возили по заводам, они выступали на собраниях пионерских организаций, участвовали в читательских вечерах. Перемена внешнего облика и «души» города изумила чуткого к местной жизни Иванова: «В Ярославле я был много раз, начиная с 22–23 гг. <...> Я видел город после исторического восстания, когда он был совершенно разрушен. Город восстанавливается очень медленно, и даже сейчас центр города восстановлен не вполне, на улицах имеются не отштукатуренные следы ядер и пуль, мостовые также свидетельствуют об этих разрушениях. Но что сильно повлияло на мое настроение — это то, что город совершенно изменился <...> а это старый купеческий город. <...> До революции население составляло 75 тысяч, в те годы, когда я был там, когда город был разрушен восстанием на одну треть, население было не больше 30–40 тысяч»⁴. Иванов подчеркнул новую миссию старого купеческого Ярославля: в нем была выстроена уникальная фабрика синтетического каучука, привлекая в город большое рабочее население. Новой чертой жизни города была зависимость его экономики и настроения населения от качества работы электростанции, которая нередко давала сбои. В целом москвичи воспринимали обновляемый Ярославль уже не как «Флоренцию Севера», а как город резиново-асбестового комбината и как... глубокую провинцию, жадно тянущуюся к столице Союза. «Мы до сих пор недооценивали такие поездки, совершенно забывали, что приезд писателей может превратиться для всякого города в большое культурно-политическое

² РГАЛИ. Ф. 613 (ГИХЛ). Оп. 7. Ед. хр. 491. Л. 11.

³ Архив А. М. Горького ИМЛИ РАН. Пл Г 1-14-2. Л. 2.

⁴ ОР ИМЛИ РАН. Ф. 41 (Оргкомитет ССП). Оп. 1. Ед. хр. 83. Л. 1–2.

событие»⁵, — сообщил Кирпотин. Его поддержал Юдин, отметивший, что приезды писателей могут стать для такого рода городов «большим культурным и даже политическим фактом, который вызывает огромный интерес, ориентирует и мобилизует людей вокруг вопросов литературы»⁶. Им вторил Катаев: «Я думал — Ярославль провинциальный городок, оказывается, они все читают, всем интересуются, жаждут знаний, книг необычайно. <...> я нигде в своих прежних поездках не ощущал такой силы писательского слова, как там. <...> Ярославцы жаждут культурной жизни. Там все читают, там выписывают газеты, “Литгазету” <...> там следят за новой литературой, там со всех сторон спрашивают, а вышла ли такая-то книга? <...> они цитируют из наших новых книг». «В Магнитогорск теперь едут с удовольствием — на штурм, на фронт. А Ярославль неизвестен специалистам»⁷, — завершил он свое выступление. Юдин подвел итог: «Товарищи, поднимем ли мы, если не к съезду партии, то к съезду писателей книгу о Ярославле?»

«Переход к социалистической реконструкции ряда наших крупных промышленных центров в корне должен будет изменить внешний облик наших городов, — отмечали в марте 1934 г. в своей записке к Горькому сотрудники Президиума Госплана, разрабатывавшие вопросы современного градостроительства, — и нам впоследствии по отрывкам придется восстанавливать всю картину героического прошлого городов в их прежней форме»⁸. Градоведческий проект Горького стал, таким образом, переходным явлением в становлении нового советского краеведения и новой советской историографии: участники проекта были вынуждены обосновать необходимость или ненужность сохранения духовных и материальных следов прошлого, давая таким образом свой ответ на самый существенный и болезненный социально-психологический вопрос эпохи социалистической реконструкции.

Между тем в мае 1934 г. «Литературная газета» рапортовала о начале выпуска первых книг из серии ИГ. К работе был привлечен только вернувшийся из Белбалтлага историк-краевед, медиевист-урбанолог Н. П. Анциферов. Города русского Севера он знал хорошо. Сотрудник Петроградского экскурсионного института, член Центрального бюро краеведения он неоднократно в 1920-х гг. выезжал на краеведческие конференции в Ярославль, Кострому, Рыбинск и вывозил туда студентов. В дневниковых записях от 20 июня 1925 г. он оставил воспоминания об одной из таких поездок: «Вчера осма-

⁵ Там же. Л. 1–3.

⁶ Там же. Л. 4.

⁷ ОР ИМЛИ РАН. Ф. 41 (Оргкомитет ССП). Оп. 1. Ед. хр. 40. Л. 2–3.

⁸ Архив А. М. Горького ИМЛИ РАН. КГ-рл 27-132-1. Л. 1, 4.

тривали Ярославль. <...> Лицей, который я видел в руинах еще весной — разрушен до основания. Все значительные здания изувечены. Ярославль — истерзанный город»⁹. Взвзвись за историю Ярославля, Анциферов не считал себя способным в одиночку справиться с работой, которую, по его мнению, следовало поручить человеку местному, краеведу. Таковым был хорошо ему известный А. А. Золотарев, также недавно освобожденный из ссылки. 15 ноября 1934 г. издательство заключило договор с соавторами со сроком подачи машинописи до 1 сентября 1935 г.

Перу Анциферова принадлежали «Наметки плана монографии о Ярославле», который получил поддержку Горького. В конце марта 1934 г. в письме Каменеву он подчеркнул: «План монографии о Ярославле показался мне очень полным и дельным» [6, с. 253]. Анциферов собирался представить город «в процессе своего развития» как «выразитель сменяющихся культур». Профессиональный урбанист, он утверждал, что судьба города определяется ее истоком: геофизическими условиями зарождения и праисторическим существованием. Для Ярославля это первобытные стоянки на стыке водных путей. Его дальнейшее развитие было связано с этим перекрестьем водных торговых артерий (Новгород — восток, Москва — Архангельск — торг с Западной Европой). Торговая миссия города и его тесная связь с Европой определили роль Ярославля в эпоху гражданских войн начала XVIII в. и в 1918 г. Ярославский мятеж. География, считал Анциферов, указывает и границы приспособляемости города к новым историческим условиям. Торговый Ярославль сумел преодолеть упадок, вызванный тем, «что заглох архангельский порт после основания Петербурга», однако Анциферов оставил без ответа вопрос, каково будет место города «в плане социалистической реконструкции промышленности»¹⁰.

Сохранившиеся материалы к книге о Ярославле, а также развернутый ее план-проспект показывают, что авторы в своем замысле не отклонялись от принципиальных установок серии, однако не стремление сорвать «все и всяческие маски» с «мещанской» культуры города направляли их перо. Главным героем монографии был человек местный. Бытовое своеобразие его жизненного уклада, особенности трудовой деятельности, психологический склад, целеполагание, ценности, потребности и пр. предстали итогом его трудового взаимодействия с местной биосферой — ландшафтом, климатом, почвой, флорой, фауной — и результатом культурных и экономических взаимоотношений с соседними поселениями. Реки с озерами сделали из ярославцев рыбаков, судостроителей, судоводителей,

⁹ ОР РНБ. Ф. 27 (Анциферов Николай Павлович). Ед. хр. 31. Л. 40–40 об.

¹⁰ РГАЛИ. Ф. 613 (ГИХЛ). Оп. 7. Ед. хр. 491. Л. 23–25.

«горы» (горные породы, принесенные сюда доисторическим ледником) научили их промыслу и обработке дикого камня; «пьяная Молога» в своем податливом грунтовом ложе рано подсказала им приемы каналоустройства, и «лихие огородники» и охотники ярославцы так и не стали прилежными хлеборобами. Географическое положение служило к скрещению на территории Ярославщины различных первобытных народностей — финнов, славян, норманнов, и местное население издавна привыкло жить «чужим умом». Колонизаторская деятельность Ярослава сопровождалась насильственным разрушением стародавнего быта. Отголосок этой неравной борьбы запечатлен гербом города. Неоднократно Ярославль переживал подобные исторические сломы. Перемены порой способствовали расцвету города, так как создавали новые возможности его торгового процветания и развития промышленности — кожевенной, ткацкой, обувной, металлообрабатывающей, деревообрабатывающей, кораблестроительной, ювелирной, мыловаренной. С ними — на грани промышленного мастерства — развивалось ярославское искусство: храмостроительство, издательское дело. Петровские реформы, оскуднившие старые города, писал Анциферов, глубоко задели Ярославль, сделав из ярославцев «хожалых людей», «кукушкиных сыновей», живущих «в два сердца» — скорее питеряков, чем ярославцев. Анциферов подчеркивал: культура Ярославля подчинялась истории, и каждая эпоха вносила в обиход города «свое слово и свой жест». Ярославский художественно-архитектурный стиль был закономерным продолжением сложнейшего узора торгово-экономических взаимодействий ярославского купечества с Сибирью, Севером, Европой, нижней Волгой, ближним и дальним Востоком, которому город обязан любовью к экзотике изображений и необычайной яркостью красок. Даже внешние формы и роспись памятников «отжившего культа» говорили не только о силе веры простого и мужественного народа Ярославщины, но также о торговых достижениях благоустроителей, ратных подвигах защитников или смертной жертве мучеников, на которой выросли многие ярославские церкви «на крови». Исследование истории Ярославля, предпринятое Анциферовым и Золотаревым, звучит торжественным акафистом многовековому служению дворянства, купечества, мастерового люда города российской культуре и экономическому процветанию страны.

О ходе работы над монографией оставили воспоминания оба соавтора. Анциферов работал в архивах. Золотарев, как местный житель, во время работы особенно нуждался в непосредственных впечатлениях о городе, каменная летопись которого была в значительной степени разрушена: «Мне приходилось жить в Ярославле, <...> набираться впечатлений от живого города новой советской эпохи. Для

исторического вдохновения я ездил в Великий Новгород и жил там в течение двух недель»¹¹.

В феврале 1935 г., когда ни одна книга по истории городов все еще не была издана, к публикации не была допущена готовая история Переславля-Залесского, предложенная редакции ИГ недавно освобожденным из заключения М. И. Смирновым. По свидетельству С. Б. Филимонова, изучившего архивное наследие этого крупнейшего историка-краеведа, рукопись, насчитывавшая 17 глав, была фундаментальным трудом, в котором история края прослеживалась от древности до 1934 г. [7, с. 94]. В отзыве на нее неустановленного рецензента читаем: «Работа вполне приемлема. Но печатать ее первой все же считаю нецелесообразным»¹². Вторая рецензия, принадлежащая А. Н. Тихонову, была еще более категорична. Рукопись нельзя публиковать из-за... выбора объекта описания — древний русский город после революции пришел в совершенный упадок: «...при выборе городов, редактор должен был остановиться по преимуществу на таких объектах, где смена исторических функций данного города была бы минимальной и где город сохранил бы в основном свои типические черты. <...> Порочность книги в том, что <...> автор не владеет марксистским методом исторического исследования и работает по методу дореволюционных “профессоров” <...>. В связи с этим я считаю необходимым поставить перед Изд-вом общий вопрос о целесообразности и уместности в рамках “Academia” издания всей серии “городов”. И буде такой вопрос решен принципиально в положительном смысле, перед редакцией встанет необходимость иметь для этой серии строго продуманную программу, где были бы указаны основные установки серии, а также заранее выработанный список объектов, подлежащих описанию»¹³.

Обнаруженные ИГ «неполадки» вызвали обоснованные опасения А. Н. Тихонова. Он не желал брать на свою ответственность их обнародование. Эта мысль скрывалась за его предложением при выборе городов отдавать предпочтение таким, где смена исторических функций «была бы минимальной и где город сохранил бы в основном свои типические черты». Как показала монография Анциферова-Золотарева, выполнить это пожелание в эпоху социалистической реконструкции было задачей невыполнимой. В то же время привозимые из писательских поездок материалы показали, что ИГ, нацеленная на разоблачение мещанина, обнаружила факт появления мещанства новой формации. Мещанина старого типа Горький в своей

¹¹ РГАЛИ. Ф. 2094 (Бабенчиков Михаил Васильевич). Оп. 1. Ед. хр. 916. Л. 21.

¹² РГАЛИ. Ф. 613 (ГИХЛ). Оп. 7. Ед. хр. 491. Л. 63–64.

¹³ Там же. Ед. хр. 529. Л. 75–76.

публицистике определял как мелкого собственника, выходца из деревни, являющегося идеологическим отравителем пролетариата, заражающего его одновременно и древними суевериями крестьянской массы, и воспринятой мещанином от средней буржуазии психикой хищника-индивидуалиста. Советский мещанин — мещанин «нового типа» в старой русской провинции, был уже человеком «без рода, без племени», потерявшим связь с первоисточником своих знаний о жизни, жаждущим хлеба и зрелищ из вожделенной «центральной Москвы». Духовный мир такого рода «Ивановых» (Н. Заболоцкий) наполнен истертыми знаками былых культурных, духовно-нравственных ценностей, которые теперь стали «социальным сырьем, чрезвычайно податливым и обратимым» (А. Платонов).

Своеобразный итог неудавшейся издательской градоведческой кампании подводит письмо, в 1936 г. адресованное Золотаревым к В. Д. Бонч-Бруевичу, в те годы руководителю Государственного литературного музея, страстно и талантливо ведущему здесь свой любимый собирательский архивный проект, в котором ему действительно помогал соавтор Анциферова по книге о Ярославле. В письме отражена позиция краеведа дореволюционной формации, убежденного в необходимости сохранения и возрождения живой души местности не через политическое влияние Москвы, а через возрождение-возращение уважения к местной культуре:

«Работая в первое десятилетие революции в Ярославщине (г. Рыбинск) и музейщиком, и краеведом, и руководителем научного общества, я имел случай наблюдать гибель документов по культурной истории нашей провинции. Гибель эта <...> продолжается и сейчас вследствие того, что, напр<имер>, переписка, записные книжки, альбомы, вырезки из газет местными работниками уничтожаются, и их некуда отдать. В столицу... “ — Ну разве им интересно?.. Они ищут... значительных имен. Наши — они бросят или куда запрятут, что никто и не найдет потом”. Вот приблизительно, какие речи приходится слушать. Или еще в другом роде. Поедешь в какой-нибудь Белёв-город Жуковского, познакомишься с местными старожилами, музейщиками и знатоками края. Тебе и говорят сейчас же, как *москвичам*. “ — Вот Москва уже забрала документы, обещая дублировать, ждем и по сей день. Ну, а с другой стороны, может, оно и к лучшему... Здесь все еще не научились разбираться в своем прошлом, не ценят его. Так вот и засели между Сциллой захвата местных культурных ценностей в центре и Харибдой собственной своей беспризорности и невнимания к прошлому”.

И это не только пустые жалобы. Когда-то по заказу издательства “Академия” я писал монографию об Ярославле, мне приходилось не

раз убеждаться в том, что Ярославль (он отпраздновал в 1924 году свои 900 лет) при всех моих еще сохранившихся связях не может дать мне таких возможностей для исторических работ о нем самом, как Москва.

Вот, дорогой Владимир Дмитриевич, мне и думается, что именно Вы со своим Литературным музеем можете очень помочь беспризорной нашей провинции, можете сильно содействовать сохранению все еще гибнущего нашего Ростова, Углича и Мологи литературного и культурного наследства.

Вы, например, устроили прекрасную выставку “Слова о полку Игореве”. И я убежден, что Ярославль, который является *единственным* Крестным отцом этого уникального русского памятника, ничем не отозвался на Вашу ценнейшую работу. И не отзывался потому, что <...> ярославцы *до сих пор* не вполне сознают всей значительности факта сохранения этого памятника у них в городе <...>. Если бы Литмузей повторил свою выставку “Слова о полку Игореве” в самом Ярославле, это было бы не только праздником для всего многочисленного общества книжников-читателей Ярославщины, но и огромным общественным делом. “Во всяком деле *преполезно* подсчитаться” говаривал Д. Ив. Менделеев. Вот ярославцы бы, в связи с этой выставкой и подсчитались, сколько сокровищ русской литературы сохранено было в их области (Ярославль, Кострома, Ростов Великий, Углич, Молога, Рыбинск, Пошехонье) и вывезено в Москву и Питер»¹⁴.

Неудача ИГ комментирует социально-психологическую глубину урбанистической проблематики русской прозы 1930-х гг., которая нашла гротескное воплощение в романах о городе М. Булгакова «Мастер и Маргарита», К. Вагинова «Гарпаго尼亚на», Л. Добычина «Город Эн», А. Платонова «Счастливая Москва» и в его пьесе «Голос Отца». Сюжеты их определены «больной душой» (в шпенглеровской терминологии) старинных местностей в эпоху социалистической реконструкции.

Показательна с этой точки зрения урбанистическая тема «Гарпаго尼亚ны». На страницах этого не законченного из-за смерти автора романа читатель встретит полусумасшедшего скрягу Жулонбина, потерянного Локонова и пьяницу-авантюриста Анфертьева. Странно изуродованные жизнью герои «Гарпаго尼亚ны», в отличие от более успешных персонажей, явившихся в этот роман из «Бамбочады», не нашли себе места в новой социальной иерархии, которую Вагинов обрисовал следующим образом: «Вот идут опять, / Вот идут, смотри, / Морда номер пять, / Рожа номер три» [3, с. 352]. Состояние предель-

¹⁴ РГАЛИ. Ф. 612 (ГЛМ). Оп. 1. Ед. хр. 946. Л. 13–14 об.

ного унижения и ненужности этих несчастных находит метафорическое отражение в странных предметах домашнего музея Жулонбина: «Жулонбин говорил о том, <...> что сейчас он совершенно погружен в классификацию окурков, что здесь истинное разнообразие, и читал целый трактат о различных формах, о различном виде примятости, изогнутости, закрученности, окрашенности окурков.

— А вот какой осколок <...> и к нему прилеплен окурочек. <...> Все в мире удивительным образом соединено друг с другом» [3, с. 388–389].

Причудливо «закрученные» и неповторимо «примятые», странно «изогнутые» и окончательно раздавленные жизнью персонажи «Гарпагонианы» не знают в начале романа о существовании друг друга, однако в конце знакомятся и переплетаются судьбами. Над их нелепым существованием высятся декорации их создавшего и раздавившего «города-поэмы», «снежного храма Аполлона», теперь города-сновидения, «ужасного города». Это уже малознакомый читателям вагиновской «тетралогии» Ленинград. Уже не мелькнет в «Гарпагониане» «воздвигнутый Екатериной II всадник», не явятся разрушающиеся статуи Летнего сада и дворцы царственных пригородов, не проглянет зелень островов. Из обязательных для «петербургской повести» топонимов будет назван лишь Михайловский замок и «проспект 25 Октября» с новой архитектурной доминантой — «дико окрашенным вокзалом» [3, с. 365]. Встретятся и «петербургские» из романов Достоевского дома «без архитектуры», «зеленые с голубыми воротами» дома, «витиеватые, как торт из крема», дома «облупившиеся», узкие переулочки и провалившиеся тротуары. Но ни Исаакия, ни даже лютеранской кирхи, увлекшей воображение Куку из «Трудов и дней Свистонова», не упомянет Вагинов. Из «культовых сооружений» названа будет лишь Владимирская церковь. Но и она явится на страницы «Гарпагонианы» из старинного сна, что приснился до революции престарелой няне. В этой церкви вымаливала она у Николая Чудотворца жизнь сына, и сын явился ей и, утешая, сказал: «Тело мое пулей убили, а душа жива. Все мы тут живые, мертвых нет» [3, с. 361].

Вагинов рисует новый город в ореоле запахов, звуков, цветов, форм и материалов рабочих окраин — Выборгского района и Обводного канала. Явится откуда-то огромное здание — Дом культуры и указывающий на него памятник Ленина, со сквером позади. За сквером — фабрика-кухня, направо недавно построенный рабочий городок, налево — серенькая деревня [3, с. 363]. Герои «Гарпагонианы», как когда-то Раскольников, будут фланировать «мимо этих, вновь выстроенных поблескивающих домов, фабрик и заводов» [3, с. 413–414], стараясь «погрузить себя в город» [3, с. 365],

желая проникнуться его настроениями, исходящими от него энергиями. Они намериваются при свете луны любоваться новой архитектурой — этими огромными многоэтажными зданиями «из стекла, железа и бетона», за которыми «виднелись другие такие же здания, за ними еще и еще» и которые «не образовывали улиц» [3, с. 414]. Им хотелось узнать, как *звучат* эти дома, любопытствовали услышать их «музыку», которую, впрочем, как они были убеждены, «без водочки не узнаешь» [3, с. 414]. Их преследуют запахи нового быта — дрожжей, исходящие из расположенного по соседству пивоваренного завода. Но над всеми ароматами города доминирует зловоние домов-вертепов, напоминающих Вяземскую лавру романов Крестовского, домов, где проживает «темный люд», где нашел себе приют один из главных героев «Гарпагоонианы» Анфертьев, и трупный запах «кунсткамеры» Жулонбина.

Кажется, что город втягивает своих жителей в свое бытие, лишая их права на поступок, отнимая волю и самую жизнь: «Локонов чувствовал, что он является частью какой-то картины. Он чувствовал, что из этой картины ему не выйти, что вписан в нее не по своей воле, что он является фигурой не главной, а третьестепенной, что эта картина создана определенными бытовыми условиями, определенной политической обстановкой первой четверти XX века. Вписанность в определенную картину, принадлежность к определенной эпохе мучила Локонова. Он чувствовал себя какой-то бабочкой, посаженной на булавку» [3, с. 406].

В соответствии с требованиями эпохи стремясь к политической актуальности последнего своего романа, Вагинов вносил свой вклад в горьковский проект ИГ. Его подход к изображению незнакомого ландшафта, разрушающего архитектурные традиции Петербурга, можно назвать социологическим. Цитатами из работ краеведов-градоведов И. М. Гревса и Н. П. Анциферова [4; 1; 2] звучат размышления Пуншевича: «Религия и торговля соединяли людей в города, а теперь, что соединяет людей в города — я не знаю, должно быть, выполнение пятилетнего плана. Несомненно, этот план собирает людей в новые корпорации, устанавливает связь между людьми. И если когда-то зерном города являлся царский дворец, Акрополь, то теперь зерном города будет являться завод» [3, с. 410]. И, не без оглядки на усилия власти собрать воедино всех «инженеров человеческих душ» под эгидой Союза советских писателей (на 1933 г. приходится первая попытка проведения Всесоюзного съезда советских писателей и создание Оргкомитета будущего союза, как и работа Вагинова над «Гарпагоонианой») писатель задается вопросом о душевном содержании новой городской жизни:

«По-прежнему ли народ весел? <...> По-прежнему ли разгулен? Раньше праздники имели связь с торгами или ярмарками. <...> Праздники народа, поэзия его жизни, имеют тесную связь с его семейным бытом и нравственностью, с его прошедшим и настоящим». И вспоминается герою «Гарпагонианы» воз с водкой, что перед октябрьскими праздниками ехал по городской улице, и как бежала за ним толпа: «передние держались за подводу, некоторые бежали с портфелями. Вспомнил, как баба хвасталась, что за пять рублей уступила место в очереди за водкой» [3, с. 411].

«В каких же сновидениях эта местность могла бы нуждаться?» — задумываются «археологи северного Геркуланума и Помпеи». Они желали бы послужить обществу:

«Высокие идеи одолевали Анфертьева, он мечтал стать поставщиком госучреждения.

— Ведь вот, существует Институт мозга <...> Ему несомненно сны нужны <...> мой товар ценен <...>. Ведь если б до нас дошли бы сны времен французской революции, <...> сны якобинцев, сны времен Директории и времен Парижской Коммуны, какой бы это был ценный вклад в бытовую историю революции» [3, с. 359].

Однако замысел их амбициознее: не простое собирание снов («многие сновидения вышли из моды, например, рождественские сновидения»), а моделирование сновидений, нужных «для данного времени и данной местности», считают они полезными для общества. Ведь, как объясняет автор «Гарпагонианы», «оскорбившему себя человеку» [3, с. 359] хочется снов. Но местность и время не подсказывают ответа. А то бы они нашли или сочинили «нужные сновидения» [3, с. 415]. Слишком «гордые», малорасторопные, не услужливые и не угадавшие идеологической тенденции актуального «снотворчества» для утратившей историческую память местности, герои «Гарпагонианы» вместе с ней обречены на смерть.

Все больше сгущается тьма социального унижения над ними, все глубже их нравственное падение. Один за другим они покинут роман. В дополнениях, которые собирался внести в «Гарпагониану» Вагинов, на смену им должны были прийти разбойники и убийцы, которым автор отдал суд над городом. Зазвучат блатные песни, все более литературный язык вытеснится воровским жаргоном, маленький словарь которого собирал Вагинов, и новые герои получают уже не имена, а клички. На последних страницах романа какие-то существа — возможно, «морда номер пять» и «рожа номер три» — окружают и уводят невинного в смерти Локонова Жулонбина.

В сопроводительной записке, адресованной М. Э. Козакову, Вагинов писал о «музейности некоторых персонажей», о тех из них, кто

своими увлечениями уводят читателя от современности и сами «становятся <...> музейными экспонатами». Вагинов обращал внимание издателя на неудачные попытки своих героев вернуться в действительность, об их напрасных блужданиях около строительных площадок и техникумов. Он говорит об инстинктах накопления, присущих органически некоторым из его «собирателей-археологов», объясняя их пристрастия живущим в них инстинктом «капиталиста и эксплуататора». Наконец, Вагинов признается в своей неоправданной симпатии к тем «символически выпоротым представителями враждующих классов» героям, которых «в нашей действительности достаточно. Они становятся циниками. Они ходят гордо, но им не подобает ходить гордо. По-моему, они достойны сострадания» [3, с. 470].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1 Анциферов Н. П. Пути изучения города, как социального организма. Опыт комплексного подхода. Л.: Сеятель, 1925. 148 с.
- 2 Анциферов Н. П. Черты сельской жизни во французском городе // Средневековый быт. Л.: Время, 1925. С. 148–160.
- 3 Вагинов К. Полное собрание сочинений в прозе. СПб.: Гуманитарное агентство «Академический проект», 1999. 590 с.
- 4 Гревс И. М. Город как предмет краеведения // Краеведение. 1924. Т. 1. № 3. С. 246–258.
- 5 Горький и советские писатели. Неизданная переписка. Литературное наследство. М.: Изд-во АН СССР, 1963. Т. 70. 734 с.
- 6 Горький М. Неизданная переписка с Богдановым, Лениным, Сталиным, Зиновьевым, Каменевым, Короленко. М.: Наследие, 2000. 343 с.
- 7 Филимонов С. Б. Неопубликованная рукопись М. И. Смирнова «Переславль-Залесский» // Советские архивы. 1971. № 3. С. 94.

REFERENCES

- 1 Antsyferov N. P. *Puti izuchenija goroda, kak social'nogo organizma. Opyt kompleksnogo podhoda* [Ways to explore the city as a social organism. The experience of the complex approach]. Leningrad, Sejatel Publ., 1925. 148 p. (In Russ.)
- 2 Antsyferov N. P. *Cherty sel'skoj zhizni vo francuzskom gorode* [Features of rural life in the French town]. *Srednevekovyj byt* [Medieval everyday life]. Leningrad, Vremja Publ., 1925, pp. 148–160. (In Russ.)
- 3 Vaginov K. *Polnoe sobranie sochinenij v proze* [Complete works in prose]. St. Petersburg, Gumanitarnoe agentstvo «Akademicheskij projekt» Publ., 1999. 590 p. (In Russ.)
- 4 Grevs I. M. *Gorod kak predmet kraevedenija* [City as a subject of local history studies]. *Kraevedenie* [Local history studies], 1924, vol. 1, no 3, pp. 246–258. (In Russ.)
- 5 *Gor'kij i sovetskie pisateli. Neizdannaja perepiska. Literaturnoe nasledstvo* [Gorky and Soviet writers. Unpublished correspondence. Literary Heritage]. Moscow, Izd-vo AN SSSR Publ., 1963. Vol. 70. 734 p. (In Russ.)

6 Gor'kij M. *Neizdannaja perepiska s Bogdanovym, Leninym, Stalinym, Zinov'evym, Kamenevym, Korolenko* [Gorky M. Unpublished correspondence with Bogdanov, Lenin, Stalin, Zinovjev, Kamenev, and Korolenko]. Moscow, Nasledie Publ., 2000. 343 p. (In Russ.)

7 Filimonov S. B. Neopublikovannaja rukopis' M. I. Smirnova «Pereslavl'-Zaleskij» [M. I. Smirnov's unpublished manuscript 'Pereslavl-Zaleskij']. *Sovetskie arhivy* [Soviet archives], 1971, no 3, p. 94. (In Russ.)